

ГОЛОСА МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

УДК 82.09-3

DOI: 10.26456/vtfilol/2021.1.235

ХОДЖА НАСРЕДДИН ЛЕОНИДА СОЛОВЬЕВА: ПОЭТИКА И ГЕНЕЗИС ОБРАЗА, МИРОВОЗЗРЕНИЕ ГЕРОЯ

Т. В. Волохова

Московский городской педагогический университет
кафедра русской литературы

В статье представлен анализ образа Ходжи Насреддина, главного героя повести «Очарованный принц» Леонида Васильевича Соловьева, русского писателя середины XX века, – в фольклорном, мифологическом и литературном контексте. С одной стороны, Ходжа Насреддин – плут (трикстер), с другой – суфий (культурный герой).

Ключевые слова: *Ходжа Насреддин, «Очарованный принц» Леонида Соловьева, трикстер, культурный герой, суфизм, фольклоризм.*

К кому из персонажей повести Леонида Соловьева относится заглавие «Очарованный принц»? С одной стороны, ‘принцем’ в сюжете величают ишак (осла) Ходжи Насреддина: сам хозяин – иронически, он должен убедить богатого бая (а потому бессердечного, по фольклорной парадигме) в том, что ишак – это превращенный принц; сам бай – из поддобирастия к будущим, как ему думается, предпочтениям. Других принцев в сюжете повести нет.

Однако не осел главный персонаж повести. Главный – Ходжа Насреддин. В его заглавном ‘титировании’ прочитывается аллюзия на «Очарованного странника» Н. С. Лескова. Оба, Иван Северьянович Флягин и Ходжа Насреддин, – странники по жизни, переходят из одной жизненной ситуации в другую, локально и событийно. Интенция двух образов сопряжена с народными представлениями о справедливости и гуманизме.

Если на других уровнях повествования Соловьев многообразно использует эндемическую и ойкотипную лексику, то в именовании лица высокой социальной значимости он этого не делает: «Ты не можешь допустить... чтобы под серой шкурой... скрывался человек, да еще царственного звания?» [8, с. 193], на что его визави реагирует так: «Этот ишак – принц?» (курсив мой. – Т.В.) [Там же]. Привычные для русской ориентальной литературы социальные титулы: бай, хан, бек и проч. – у Соловьева отсутствуют. В этом случае, манкировании эндемической лексикой, можно говорить о некоем упрощенном подходе Соловьева: с од-

© Волохова Т. В., 2021

ной стороны, его повествование насыщено такими лексемами, как арык, кумган, люли, джидовник, арба, мударрисы, джугара и проч., требующие для современного читателя историко-культурного комментирования, с другой – вдруг появляется царь и принц в совершенно неорганичном для этих слов этнокультурном пространстве.

Итак, очарованный принц – Ходжа Насреддин. Принц – в фольклорной архаике и вневременной русской словесной повседневности – синоним идеального героя, таковым он и предстает в контексте повести Соловьева.

Архетипически образ Ходжи Насреддина отсылает к мифологическому трикстеру. Его поступки, на первый взгляд, нелепы, не соответствуют нормам, принятым в ‘ойкумене’, органичной герою.

«Пришлось закрыть лицо темными очками, принять чужое имя, распугать нелюдимостью соседей и, совершив все это, почувствовать Ходжент угрюмой тюрьмой, а себя самого – несчастным и обездоленным на земле. Он горько сетовал на Аллаха, который вложил в его душу два противоречивых и взаимовраждебных начала: неистребимую страсть к бродяжничеству и горячую любовь к семье» [Там же, с. 9–10].

Рассуждая после беседы с муршидом (учителем, наставником) о предназначении, о поиске веры, о ‘высоком’, Ходжа Насреддин устремляется в своих помыслах к звездам, «но как раз в эту минуту его смертная плотская оболочка поскользнулась на жиденьком мостике из двух жердочек и шумно, с плеском и брызгами, свалилась в глубокий арык, полный ледяной воды. Ходжа Насреддин промок до нитки, вывозился в грязи, продрог и посинел...» [Там же, с. 16] – в совершенном соответствии с ‘классическим’ трикстером (см.: [7]).

По концепции Е.М. Мелетинского о герое сказки, который представлен в мировом фольклоре как ‘высокий’ и ‘низкий’, Ходжа Насреддин, популярный персонаж устной прозы тюркоязычных народов, выступает в парадигматике ‘низкого’ героя. Мелетинский пишет, что сходство с трикстером имеет знаменитый герой средневекового фольклора Ходжа Насреддин на Востоке [4, с. 10]. Подобных фольклорных персонажей, как Ходжа Насреддин, он называет хитрецами, которые только прикидываются простаками [Там же, с. 201].

Таким образом, «культурный герой и плут сочетаются в одном лице...» [Там же, с. 10]. Амбивалентный фольклорный герой, Ходжа Насреддин получает развитие в литературном тексте – повести Соловьева.

В своем фольклорном облике Ходжа Насреддин типологически родственен русскому Ивану-дураку, добродушному недотепа (см.: [5]). В литературной же версии он скрытый до времени мудрец, все ближе, ступень за ступенью, приближающийся к мудрости суфия.

Писать открыто о суфизме, суть и интенции которого, безусловно, хорошо знал Соловьев, в 1940–1950 годы, время создания повести, было невозможно. «...Автор использовал концептуальные положения восточной философии, проявляя осведомленность во многих тонкостях духовной культуры мусульманского Востока. В мои студенческие годы узнать об этих вещах было довольно сложно: практически отсутствовала доступная литература, на темах, связанных с религией, лежал негласный (а иногда и вполне гласный) запрет» [6, с. 289] – пишет Наталья Пригарина, современный востоковед, примерно о тех временах, когда вышла книга Соловьева.

Сегодня этот аллюзивный слой текста читается вполне: «И перед бесплотным зрением Ходжи Насреддина возникла где-то внизу, вдали, беседка, и в ней он увидел себя самого – спящим. – Твоя плоть на месте, где предается низменному телесному сну, в то время как твой дух находится в звездностранственном вещем бодрствовании, – заключил старец. – Тебе откроется многое, только сумей понять» [8, с. 240].

Развитие образа Хаджи Насреддина представлено Соловьевым в той самой модели, по которой, под руководством учителя, развивается суфий. Путь суфия – для достижения гармонии разума и духа, для постижения божественного начала – состоит из четырех ступеней: соблюдение законов (шариат), воздержание (риязат), познание (маърифат), достижение истины (хакикат) [10, с. 89]. Или достижения состояния ‘хал’: «Мусульмане верят, что духовная природа человека состоит из двух частей: рухи мустакам, постоянно пребывающего в человеке, составляющего его души, с которой разлучает человека смерть, и рухи раван, блуждающего духа, который отлетает от человека, как только он заснет, и возвращается в момент пробуждения от сна. Во время сна рухи раван, блуждая, посещает разные места, видит различных людей и наблюдает различные явления; человек же переживает все, что видит его блуждающий дух, в виде сновидений» [3, с. 25–26], – пишет востоковед XIX в. Нил Лыкошин.

В одной из фаз своего суфийского восхождения внимание Ходжи Насреддина привлекает воробей. Птичка помогает ему в доступной форме объяснить своим согражданам, что есть свобода, собственность, а также обойти крючкотворство судей, чтобы распорядиться по справедливости награбленным имуществом богатея (см.: [8, с. 241–247]).

Птицы – проводники сакрального знания, символизирующие любовь к абсолютной красоте, к Богу. «В различных мифопоэтических традициях птицы выступают как неперемный элемент религиозно-мифологической системы и ритуала...» [2, с. 346]. Именно об этой фазе познания, третьей, пишет исследователь Малик Арипов: «Здесь “путник”, в процессе длительного воспитания разума и души, обретает полную гармонию

духа и тела, мудрость и становится “познавшим мужем” – арифом. Ариф временами бывает в состоянии хал (экстатического слияния с истиной, длящегося мгновение)» [1, с. 129]. Вероятное состояние соловьевского героя – хал – совпадает с финалом повести: «Жизнь! – воскликнул он <...> Странное дело: он всегда знал это простое слово, но проник во всю его бездонную глубину только сейчас, – и, когда проник, это слово стало для него всеобъемлющим и бесконечным. <...> ...Когда ему на могиле старца открылось это вещее слово, он начал жить не так, как раньше: он начал жить в ясности, не смущаемый никакими сомнениями, не угнетаемый путаницей и кажущимся хаосом мира, ибо имел ко всему верный, истинный ключ» [8, с. 267].

Как у праведников, которых при жизни за таковых не принимают, после смерти нет могилы, так нет и точного места захоронения Ходжи Насреддина. «Восемь гробниц в разных частях света носят его славное имя; где среди них единственная? Да может быть, ее и нет среди этих восьми; может быть, ему достойной гробницей послужило море или горное туманное ущелье, а надгробным плачем над ним был дикий вой морского урагана или необъятный, медлительно-тяжкий гул снежной лавины...» [Там же, с. 203]. В ряд с жизненным вектором Ходжи Насреддина встает праведничество таких персонажей русской литературы, как Несмертельный Голован Лескова и ‘тюркмен’ Сяркей Николая Каразина. И Лесков, и Каразин написали жития праведников. Образ Голована построен на архетипе культурного героя, который научает смертных всевозможным ремеслам, привносит в их жизнь благо, порой жертвуя собой. Так же поступает каразинский Сяркей.

«Несмертельный, Голован и после смерти величается *несмертельным* – по законам мифа. И каразинский Сяркей стал “добрым гением пустыни”, о котором рассказчик обещает поведать еще не раз...» [11, с. 344], как и Соловьев, расставаясь с читателем и своим героем, обещает, что кто-то после него обязательно вернется к Ходже Насреддину.

Ближе к финалу эпического повествования, когда Ходжа Насреддин подошел к главной фазе духовного развития, автор-хроникер обращается к его рождению – по законам мифологического цикла. Рождение героя описано в парадигматике сказочного сюжета о бездетных стариках, вознагражденных чудесным появлением ребенка.

Одаренность, отмеченность малыша, как и многих фольклорно-мифологических персонажей, была заметна в раннем детстве. «Он рос очень быстро. В три года ему давали по виду пять лет, а по уму — еще больше. В три года он знал множество слов, постиг законы их сочетаний и говорил, удивляя взрослых правильностью своей речи. С удивительной проницательностью он догадывался о свойствах и назначении предметов, окружавших его... <...> Из других особенностей его детства рассказыва-

ют о странной задумчивости... <...> Рассказывают еще о необычайной любви его к солнцу, – любви, доходившей до боготворения; грудным младенцем он уже умел смотреть на солнце не щурясь, открытым взглядом, не ослепляясь лучами...» [8, с. 207–208].

Так, мифопоэтика литературного образа Ходжи Насреддина выражена не только его двойственной природой (трикстер / культурный герой; плут / суфий): будучи ребенком, по ‘законам’ мифа, он получает вектор развития от бабушки, не своей, уличной, чужой цыганки, люли, над которой потешался с ватагой мальчишек: «Она слушала сначала с любопытством, потом – с доверием, и под конец заплакала от умиления. – Сам аллах послал мне тебя, дабы утешил ты мою бесприютную старость! Умом ты – неслышанный плут, если бы ты родился в нашем племени, то, конечно, сделался бы верховным вождем. Сердцем же ты – чистый праведник; дай бог, чтобы и дальше твой ум всегда находился в подчинении у сердца» [Там же, с. 215].

Подводя черту, надо сказать, что образ Ходжи Насреддина в повести «Очарованный принц» – универсальный, типологически родственный героям других этнокультурных дискурсов, например Тиллю Уленшпигелю, шильдбюргерам, ‘хелмским мудрецам’ и др. (см.: [9]). Органика соловьевского контекста, в который помещен его герой, связана с туркестанским текстом русской культуры, ее ориенталистским изводом – с теми паттернами, которые появились в русской культуре и литературе в XIX веке (см.: [12, с. 16–28]), зрели и крепили, не без участия прозы Соловьева, в XX, стали неотъемлемой частью русского дискурса в XXI, когда появился целый пласт постколониальной русской литературы, основанный на проблематике туркестанского текста (см. о фазах туркестанского текста в русской литературе: [13]).

Список литературы

1. Арипов М. Восхождение к истине // Звезда Востока. 1991. № 7. С. 127–137.
2. Иванов В. В., Топоров В. Н. Птицы // Мифы народов мира: Энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 346–349.
3. Лыкошин Н. С. Дивана-и-Машраб: Жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае. Самарканд, 1915. 13 с.
4. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М.; СПб.: Академия Исследований Культуры, 2005. 240 с.
5. Необычайные приключения Насретдина Афанди. Ташкент: Гос. изд. худож. литер. УзССР, 1959. 252 с.
6. Пригарина Н. И. «Очарованный принц» и суфизм // Соловьев Л. Очарованный принц: Повесть. М.: Теревинф, А и Б., 2015. С. 287–303.
7. Радин П. Трикстер: Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К. Г. Юнга и К. К. Кереньи. СПб.: Евразия, 1999. 286 с.

8. Соловьев Л. Очарованный принц: Повесть. М.: Теревинф, 2015. 304 с.
9. Шафранская Э.Ф. Сказки о дураках в еврейской литературе (хелмские мудрецы в творчестве Овсея Дриза и Исаака Башевиса Зингера) // Мировая словесность для детей и о детях. М.: Моск. пед гос. ун-т, 2005. С. 248–251.
10. Шафранская Э.Ф. Перепелка в восточной культуре: повседневность и мифология // Курак. Центральноазиатский альманах: Искусство и общество. The Christensen Fund, Центральноазиатская сеть по культуре и искусству, Экокультурный караван «Айгуль – Гули-Сурх». Бишкек, 2011. С. 84–91.
11. Шафранская Э.Ф. Каразин и Лесков // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2. С. 340–345.
12. Шафранская Э.Ф. Туркестанский текст в русской культуре: Колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий). СПб.: Свое изд-во, 2016. 370 с.
13. Шафранская Э.Ф. Фазы колониального дискурса в русской прозе о Туркестане // Филология и культура. Казанский (Приволжский) федеральный университет. 2017. № 2(48). С. 218–224.

KHOJA NASREDIN BY LEONID SOLOVYOV: POETICS AND GENESIS OF THE IMAGE, IDEOLOGY OF THE HERO

T. V. Volokhova

The Moscow City Teachers Training University
Department of Russian Literature

In the article we present an analysis of the image of Khoja Nasreddin, the protagonist of the story, in folklore, mythological and literary contexts, basing on the material of the story “The Enchanted Prince” by Leonid Solovyov, a Russian writer of the XX century. On the one hand, Khoja Nasreddin is a cheat (trickster), on the other, a Sufi (cultural hero).

Keywords: *Khoja Nasreddin, “The Enchanted Prince” by Leonid Solovyov, trickster, cultural hero, Sufism, folklorism.*

Об авторе:

ВОЛОХОВА Татьяна Витальевна, аспирант кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета (129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, к. 1), e-mail: tvvolokhova@gmail.com.

About the author:

VOLOKHOVA Tatiana Vitalevna – Postgraduate Student of the Russian Literature Department, Moscow City Teachers Training University (129226, Moscow, the 2nd Selskokhozyaystvenny pas., 4, bld. 1), e-mail: tvvolokhova@gmail.com.